

6+

Трубецких Елена

Игра космического масштаба

Елена Трубецких

Игра космического масштаба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63970836

SelfPub; 2021

Аннотация

Фантастический рассказ об Олимпийских играх в далёком будущем, когда природа и технический прогресс одновременно мирно сосуществуют и борются, человечество живёт на орбитальной станции, а Земля вновь отдана стихиям. Есть ли шанс у обычного человека выиграть игру космического масштаба?

Елена Трубецких

Игра космического масштаба

– Вам бы отдохнуть, батюшка. Нельзя себя так нагружать в ваши-то триста четырнадцать лет, – доктор ласково потрепал Евгения Горбушкина по плечу.

Чуть слышное шуршание автоматической двери – белокурая помощница доктора Анна вплыла в кабинет, не касаясь пола магнитными подошвами туфелек.

– Михаил Сергеевич, Ваш обед.

Горбушкин сердито сопроводил взглядом передаваемый доктору поднос. Ароматизатор, встроенный в поднос, источал сладкий радужный запах шоколада, совсем не гармонирующий с настроением Евгения. Несколько питтаблеток лежало в центре зеркальной поверхности подноса. Доктор с улыбкой предложил пациенту разделить его скромный обед. Мгновение спустя гневный мах руки Горбушкина отправил её в утилизатор, любезно подставленный выдвижной панелью стены.

– Я ем только настоящую еду!

– Настоящую? Но ведь она отвратительно пахнет. И фигуру портит к тому же, – Анна нахмурила мохнатые бровки в форме бабочки – фигуры, недавно вошедшей в моду. Яр-

кие переливы «крыльев» только за последний месяц свели с ума ни одно мужское сердце. Однако сейчас надутые губки и сморщенный носик под крылышками совсем не привлекали Евгения, уже давно демобилизовавшегося из роты её поклонников.

– Да и что вы подразумеваете под настоящей? Генетически модифицированные котлетки или хлебцы? Это же не серьёзно, – доктор с наслаждением запил свою питтаблетку минерализованной водой

– Я не буду употреблять эти чёртовы лекарства! Только здоровая пища может дать спортсмену всё необходимое, – злость захлёстывала Евгения. Ещё бы. Последний час был далеко не самым радужным в его жизни. Доктор отнимал у него последний шанс стать чемпионом. И при этом преспокойненько уминал свою ароматизированную иллюзию пищи, которую и обедом-то не назовёшь! На лицо – самый натуральный приём лекарств!

– Я вот потому и говорю вам, батюшка: пора бы и на покой. Посмотрите, у Вас и нервы шалят. Неудивительно, учитывая ваш образ жизни: не едите современную пищу, прозябаете в каменной клетушке внизу, на Земле, подобно варвару двадцать первого века. Нагружаете мышцы до предела, когда существует столько методик успешного их наращивания! Вы истощаете своё тело, подрываете здоровье вечными травмами от тренировок, вовсе не являющихся необходимыми. Я просто не могу допустить вас до соревнований. То ли

дело Ковин...

– Этот напыщенный хвастливый инкубаторный мальчишка!

– Не перебивайте меня, Евгений Александрович. Вы же понимаете, что будучи рождённым от женщины, Вы слабее детей, возвращенных машинами. Их мышцы отрегулированы заранее, здоровье отменно, а места потенциальных травм утолщены для большей прочности. Мозг менее восприимчив к переживаниям и чувствам. Не вам тягаться с ними. К сожалению, мы с вами – люди прошлого. Нам остаётся только тихонько плестись в хвосте прогресса, наслаждаясь его плодами.

– Я ещё не отработанный материал! Весь мир наслаждался моими показами! Я могу доказать, что...

– Нет, батюшка, не нужно вам ничего доказывать. На предыдущих Олимпийских играх вы заняли второе место среди искусственно выведенных спортсменов – этого вполне достаточно. Уступите дорогу молодым.

– Но они не люди! Это роботы, которым наплевать на всё! Они не могут ощутить вкус победы – они даже не знают, что вообще такое вкус!

– Стареете, Евгений Александрович, стареете. Все поколения считают молодёжь чем-то, недостойным внимания, гораздо хуже, чем они сами, забывая о своих шалостях и глупостях по молодости. Но прогресс общественного развития, технологий и культуры возможен лишь благодаря пылу и

несбыточным желаниям молодой крови, новых людей.

– Страсти и чувства новых людей? О чём вы? Они не могут жить без технологий, они не чувствуют. Да, я мёрзну там, внизу, а в иной сезон, наоборот, умираю от жары – но я живу, пока вы существуете. Да что там – это вы прозябаете на этих летучих космических станциях! Я знаю, что значит купаться в волнах шторма, я умею сам жарить себе пищу, а могу даже и вырастить в собственном огороде...

– Я, я, я... Вы себя слышите? Ведь это – эгоизм! Своим варварством вы разрушаете кропотливо восстановленные на Земле экосистемы! Питтаблетками, произведёнными на космических заводах, мы способны прокормить всех, но горстка упрямец всё ещё копается в матушке-земле, вспахивая поля и луга, вырубая леса, ради продуктов, которые всё равно не являются натуральными – без генной инженерии вырастить их невозможно, что и представляет собой нарушение естественного порядка вещей! – доктор покраснел, довольный своим красноречием и доводами.

Анна порхнула к доктору, чтобы стереть бисерины пота со лба и лысины.

– Михаил Сергеевич, – испуганно и немного визгливо протянула она. – Пожалуйста, успокойтесь. Если вы снова расчувствуетесь, как с пациентом на прошлой неделе, на ваше место направят Сан Саныча, а я его боюсь, очень-очень. Вспомните, какой Вы добрый, весёлый, хороший и спокойный, пожалуйста! – слёзы всех цветов радуги проступили на

бровях-бабочках, искрящихся в свете потолочного солнца. Упомянутый Сан Саныч никогда её не жаловал и считал, что её место – на подиуме, куда её и прочили родители, задавая настройки инкубатора. Однако Анна не желала для себя такой жизни. Ей не хватило ума, чтобы поступить в университет, – настройки инкубатора так просто не собьёшь. Однако ей удалось получить место личной помощницы доктора Михаила Сергеевича. Благодарная, она готова была за него пойти в огонь и воду. Ну и, конечно, из страха за свою карьеру.

Доктор насуплено смотрел на Горбушкин из-под бровей – единственного украшения его рано облысевшего черепа. Отказавшись от многочисленных предложений коллег по мгновенному наращиванию волос, он приобрёл не только репутацию чудака, каковым и являлся на самом деле, но и постоянную клиентуру среди естественников. Последние смущались, застав в кабинете доктора, отнюдь не отстающего от прогресса. Но добродушное лицо и искренняя улыбка, а также высокий профессионализм всё же возвращали их к нему снова и снова. Вот и сейчас перед ним сидел Горбушкин – один из последних атлетов, предпочитавший во всём натуральность человеческой природы, родившихся без корректировок родильных машин. А доктор, увы, собирался отказать в последнем шансе на победу этому человеку. По сути, самому естеству человека и природы.

Но ведь травмы Евгения не позволяют ему снова выступать! Если он выйдет на арену – то в лучшем случае станет

инвалидом. На все оставшиеся ему лет сто жизни. Зная его, доктор был уверен, что спортсмен откажется от какого-либо вмешательства в его здоровье современных технологий и будет владеть жалкое существование внизу наедине со старой доброй водкой...

Пожалуй, был один плюс жизни внизу – без надзора полицейских роботов ты можешь производить запретные вещества – алкоголь, табак... Новая молодёжь предпочитала не соваться вниз, и соблазны прошлого оставались уделом стариков. Президент системы Земля-Луна предпочитал закрывать глаза на маленькие грешки стариков, которым всё равно осталось недолго жить (по меркам новых людей), лишь налагая запрет на ввоз таких «препаратов» на рынки космических станций-городов.

Доктор невольно вздохнул, вспоминая о старых временах. Когда-то он сам голосовал за новые законы, образование единого координационного Правительства системы Земля-Луна. Сетовал на ханжество и консервативность старых поколений, отказывавшихся продлить свою жизнь за счёт пересадки мозга в андроидное тело. Возможно, последнее попахивало лицемерием: самому Михаилу Сергеевичу, как и остальной молодёжи, задумываться о такой операции не приходилось, их жизнь итак должна была длиться почти вечность за счёт здорового образа жизни и питания, постоянного посещения спортивных комплексов для поддержания в тонусе мускулатуры, страдающей в условиях низкой гравита-

ции на орбитальной станции. Для стариков же роботизированное тело было единственным билетом в долгую и счастливую жизнь. Однако многие отказались. И нынче, будучи в возрасте, сравнимым с ними, доктор вовсе не был уверен в собственном согласии на новую жизнь внутри машины.

В конечном итоге о самом докторе установилась репутация зануды, безнадёжно отстающего от прогресса. Естественников это не озадачивало, но весьма вредило привлечению новых клиентов. В действительности же доктор старался жить по своим строгим принципам: он принимал лишь те новейшие веяния технологий, что защищали матушку-Землю. Доктор всегда мечтал о создании экологически чистого мира там, внизу, на планете. В молодости он жертвовал всю свою стипендию на снос городских трущоб и переселение людей на орбитальные станции.

Воцарившуюся тишину снова нарушил Горбушкин.

– Значит, вы отказываетесь подписать мне разрешение? – его пальцы нервно теребили шнурок корсета – как и подозревал доктор, на Земле Евгений злоупотреблял самокрутками. И сейчас, когда решалась его судьба, успокоительного средства под рукой не было.

Анна подала доктору пульт. Всего одно нажатие на сенсорную панель, сканирование сетчатки глаза – и цифровая разрешительная подпись будет отправлена в Департамент спорта системы Земля-Луна. Но будет ли это правильно? Раньше доктор упивался сознанием своей важности в систе-

ме общественных отношений, но теперь эта игра в богов ему надоела. Насколько проще быть медицинским братом, совершать обходы инкубаторов и следить за работой сложных механизмов! И опять лицемерие: он не был готов так просто распрощаться со всей роскошью, которой государство окружало людей его профессии.

Включив рентгено-очки (названные так в честь давно устаревшей технологии рентгенологического исследования), Доктор ещё раз внимательно осмотрел позвоночник и ребра пациента: беспокойство вызывали лишь заплатки, поставленные на скелет ещё пятьдесят лет назад. Часть из них сильно протёрлись. Однако на пересадку позвоночника либо гипноз (указание телу как лечить самое себя) пациент не соглашался – для него была важна победа над собой, своим телом. Доктор покачал головой. Снял рентгено-очки.

Евгений опустил взгляд в пол. Значит, это всё. Конец. Вердикт вынесен.

Тихое попискивание сканирующего аппарата. Роботический голос:

– Верификация пациента. Верификация пациента. Верификация...

Бубнёж доктор:

– Евгений Александрович, откройте глаза – нужен скан Вашей сетчатки, Вы уже проходили эту процедуру ни раз и...

Евгений открыл глаза. Зелёный диод передачи информации горел на пульте. Вздох. Око бездушной машины загля-

дывает в глубину его карих глаз, но ей не дано понять и удивиться обречённости человека.

– Поздравляю, – доктор радушно жмёт его руку.

– Что?

– Поздравляю вас, говорю, с участием в юбилейных двухсотых Олимпийских играх!

В глазах туман. Дыхание задрожало и словно остановилось – он получил свой шанс! В ушах рёв трибун на барьерах (в художественной гимнастике в невесомости зрители, для безопасности, остаются в своих домах, выкупая теле-площадки на сенсорных панелях). Ладони снова ощутили прохладу металлической ручки гири. Тело стонало от удовольствия и одновременного страха боли.

Доктор испытующе смотрел на Евгения. Он дал ему шанс. Под свою ответственность. И если хоть что-то пойдёт не так – сорвётся пластина с позвоночника или иная застарелая травма даст о себе знать – то он потеряет медицинскую лицензию. Или, что ещё хуже, отправится в ссылку. Нет, природа не может проиграть, не сейчас.

Евгений уверенно шагал по платформе. На голограммных деревьях то тут, то там вспыхивали фигуры журналистов. Лавина вопросов душила спортсмена, и только лёгкий ветерок вентиляторов давал живительный глоток воздуха свободы, унося вопрошающие голоса прочь. Всё же один голосок, звенящий словно колокольчик древнего будильника, сумел

пробиться сквозь пелену дождя вопросов:

– Евгений Александрович, взяли вас в команду? – юная девица, томно хлопая своими ресницами-крыльями лебедя, с любопытством разглядывала спортсмена. Единственная живая среди толпы голограмм.

– Да! – ударил кулаком по бедру Евгений, уместив в маленькое словечко триумф победителя. Губы растянулись в счастливой улыбке.

– А вы уверены, что можете защищать честь нашей страны? У нас имеются сведения, – девушка поднесла руку к вискам, чтобы переключить информацию на линзах, – о том, что ваши травмы несовместимы с серьёзным спортом. Есть другие, юные спортсмены – Ковин, например. Не готовы ли вы дать шанс молодым?

– Нет! – резкий ответ. Чересчур грубый. Словно гром посреди замолкшего сонма голограммных журналистов, прислушивавшихся к беседе и торопливо черкавших в своих сенсорных блокнотиках. Уверен ли он в своих силах? Но ведь он все последние годы готовился именно к этой игре – конечно, он готов! Или...? Действительно, ответил ли он этим пресловутым «нет» только на вторую часть вопроса?

Сегодня Олимпийские игры проводились не только ради удовольствия соревнований спортсменов и прибыли от продаж билетов и сувениров. В мире информационных войн важным объективным показателем развития государства стало выступление страны на спортивных играх – это пока-

зывает, сколько средств остаётся у государства после удовлетворения всех потребностей общества. И уровень подготовки спортсменов становится прямо пропорциональным престижу страны. Проиграть – значило подвести Родину в непримиримой войне на международной арене. И виновных в проигрыше ждала уголовная ответственность вплоть до ссылки на далёкие звёзды добывать гелий-три.

– Гимнаст Женя! Ух-ты!

Маленький кудрявый ребёнок, то ли парнишка, то ли девчушка, со счастливой улыбкой бежал к нему. Чип на его ноге мигал жёлтым – он вот-вот выйдет из ограниченной его родителями зоны для гуляния, и дежурный робот-няня, привлечённый сигналом, отведёт его домой.

– Вы дадите мне автограф?

Хватаясь за эту соломинку в море захлестнувшего его отчаяния и враждебности журналистов, Евгений повернулся к пытавшей его девушке спиной и потрепал малыша по голове. Тот протягивал Евгению маленькую сенсорную панельку.

– Конечно. Как тебя зовут? – клик по экрану. Его отпечаток теперь навсегда в памяти устройства. Конечно, если малыш не пожелает его стереть.

– Тоже Женя. Только меня дразнят Горбушка – потому что я во всех соревнованиях по гимнастике болею только за вас.

Малыш сморщил носик и нахмурил ещё не разросшиеся бровки.

– Но они ещё увидят! Вы победите! Я знаю!

И с детской непосредственностью добавил:

– Папа подарил мне билет на рядах внутри зоны «стыковки», так что если вы заденете рукой мой экран – я буду очень, очень рад!

– Обязательно!

Конечно, среди множества зрительских панелей найти одну единственную невозможно, тем более, в суматохе соревнований. Кроме того, все потенциально возможные места соприкосновения спортсменов с барьером охотники за автографами оккупировали задолго до официального начала продаж билетов. Но Евгений не хотел огорчать малыша отказом.

– Давай, беги домой. А то твой чип опасно мигает оранжевым.

Евгений оглянулся. Девушка-журналист стояла неподвижно. Одна из её бровей представляла собой длинную шею лебедя, изгибающуюся по воле его хозяйки. Теперь этот «лебедь» равнодушно смотрел в сторону. Но, скорее всего, вся сцена общения с ребёнком появится в вечерних выпусках. А этого – более чем достаточно на сегодня. Проводив тоскливым взглядом улепётывающего домой малыша, Горбушкин направился к лифту на Землю.

– Пойдите!

«Лебедь» предпринял хищную атаку на Евгения.

– Не хотите посидеть со мной за кружечкой чая? – хитрая

улыбка, блестящие белые зубы – словно пена моря, предвещающая бурю. Крылышки лебедя трепетали – девица ловко направляла стрелы Амура в сердце спортсмена.

– Чай? Настоящего? И вы не боитесь навредить здоровью? Не протестуете против чайных плантаций внизу?

Смех. Чистый, хрустальный, словно ручеёк в девственных горах.

– И почему все считают, что если журналисты – то неудавшиеся инкубаторные дети? Да, я люблю чай, еду, и даже готова вместе с вами радоваться каплям росы на алом рассвете.

– Но тогда почему Вы...

Девушка подхватила Евгения под локоть, и они медленно двинулись вдоль аллеи.

– Я по натуре писатель. Но мои клубничные романы в сливках не трогают душу читателей. Им подавай острые интриги, повседневные новости, приправленные перцем остроумия. Только на такой блюдечке можно преподнести стоящую идею. Иначе они запьют таблетки минерализованной водой и направят свои стопы дальше по будничному жизненному пути.

Глаза, брови девушки – всё отдавало примесью лжи. Бровь-лебедь выдавала её неловкую атаку, но Евгений был слишком очарован, чтобы понять, что происходит.

– Вы особенная! Я никогда не встречал таких девушек.

Снова смех – далёкие бубенцы на земной дороге, возвещающие радости новых встреч, рассказов, гостинцев и люб-

ви.

– Меня зовут Ада. Вы знаете, что это значит? То, что Вы ещё пожалеете о встрече со мной. Надеюсь, что мы прощаемся! – девушка резко дёрнула свою руку и побежала прочь.

– А как же чай?

– Когда ты не станешь чемпионом!

Словно прохладный ветерок ранним июльским утром, она умчалась вдаль, оставив полудню лишь зной и сожаление о кажущихся такими возможными, но всё же недостижимыми, бодрости и свежести.

Ада. Евгений не понимал брошенных ею фраз. Она была так обворожительна, так прекрасна. Но к чему эти странные слова? Что он сделал не так?

Горбушкин занял своё место в лифте, всё ещё озадаченный поведением девицы, столь ему понравившейся. Однако комфортабельность и уют непилотируемого куба вскоре убавляли его, вселив надежду на лучшее будущее.

– Он не сможет. Я знаю, что он не сможет. Показания психометра редко ошибаются, – Ада вертела в руках маленький приборчик, на который её начальник всё равно не обращал внимания, полностью поглощённый составлением рапорта. Возникла неловкая пауза. Ада уже повернулась на магнитных каблуках, когда начальник прервал тишину:

– Система здравоохранения выдала добро. Их аппараты надёжнее наших.

– Но вина за проигрыш коснётся и нас тоже. Сегодня крайний срок для подачи апелляции.

– Нет. Мы доверимся выбору Департамента спорта. В случае чего предоставим рапорт Президенту. Всё будет в порядке.

Режущий взгляд блеск металлической гири. Сотни глаз, направленных на него с барьера. Он отталкивается, делает пятерное сальто, ловко приземляя вторую руку точно в центре зоны для «приземления». Вытягивает гирю и оборачивается вокруг неё: один, два, три, четыре...

– Чаю?

В его руках – голова Ады.

– Что?

– Только когда Вы не станете чемпионом!

Голова, выпущенная Евгением от неожиданности на свободу, задорно кусает его колено.

– Дядя Женя, я здесь, здесь!

Спортсмен оборачивается к теле-площадке, в надежде увидеть своего маленького болельщика. Но из барьера уже шипит лебедь.

– Меня зовут Ада. Вы знаете древние верования? Вам ничего не напоминает моё имя? Меня зовут Ада.

Дикий хохот. Голова летит прямо в его грудь. Боль.

Сирена исполняет трели.

Звонок будильника. Как и все, кто жил на Земле, Евгений предпочитал использовать старое доброе устройство вместо чипов, постепенно выводящих мозг из сна к конкретному времени. Понадобилось несколько минут, чтобы вынырнуть из объятий кошмара.

Горбушкин подставил голову под холодный душ. Никаких мыслей об Аде! Сегодня генеральная тренировка, открытая для журналистов. Может быть, Ада тоже будет там. Лукаво ему улыбнётся, подмигнёт. Нет, нет, нет – он не будет думать об Аде. Только работа. Только спорт. Только победа!

Корабль для спортивных тренировок на огромной скорости рассекал воздушные просторы. Режим невесомости, соответствующий условиям реального космического полёта, был настроен. Евгений глубоко вдохнул и нырнул в привычное невесомое пространство. Горизонтально лёг на воздух – удобно, словно в кровати. С сомнением взглянул на снаряд – это была всё ещё гиря, правда, потерявшая свой вес. Зато молчаливая и совсем не похожая на голову. О каких только глупостях он думал!

В вакуумных наушниках зазвучала музыка. Мышцы напряжены до предела – только так возможно движение. Рывок – цикл курбетов у барьера – волна рукой с гирей – сальто. Снова отскок – восемь винтов по диаметру тренировочного

шара – кач барьера – замах ногами и двенадцать оборотов обратно. Кручение вокруг снаряда. Гиря вырывается из ладони, смело направляется в теле-площадку главного редактора «Спорт-вести», однако удержанная «поводком» Евгения возвращается. Прямо в колено. Вспышка боли. Ехидное хихиканье журналистов и смущённое бормотание пиар-менеджера.

Горбушкин закрыл глаза. Надо собраться. Колено болит. Но он сильнее своего тела. Порог боли не превышен, стрелка психометра у врача не зашкаливает. Чип на его поясе молчит – значит, можно продолжать.

Стиснув зубы, Евгений подтянул гирю к себе. «Может, кружечку чая? Когда ты не станешь чемпионом!» Нет, он не позволит издеваться над собой. Досадное второе место осталось в прошлом. Теперь только золото. Никак иначе!

Снова в ушах раздалась музыка. Старая добрая мелодия, простенькая и душевная. Прикосновение к прохладе барьера – ноги на противоположной зоне «стыковки» – снова полёт и руки едва задевают допустимую зону прикосновения. Тишина в наушниках – значит, всё в порядке. Гиря – продолжение его руки – стремительной волной летит в сторону – один, два, три, четыре, пять. Шестерное сальто. Снова приятная твёрдость барьера – вращение. «Не готовы ли Вы дать шанс молодым?» Снаряд соскользнул, и опять удар. Поясница заныла от возмущения. Но музыка не остановилась – значит, ошибка не грубая, можно продолжать.

Замах – поясница грозит взорвать весь ядерный запас болевых ощущений, имеющихся в арсенале. Вращение вокруг поперечной оси. Идеальное прикосновение к барьеру. И кручение вокруг снаряда – раз, два... «У нас имеются сведения о том, что Ваши травмы несовместимы с серьёзным спортом». Слабый писк больной поясницы заглушает резкий взрыв позвоночника. Евгений всё ещё летел. Гирия, прикреплённая «поводком» к спортсмену не давала ему удариться о барьер. Головокружительный произвольный танец со снарядом. Танец смерти. Один удар по голове – и его череп возопит о пощаде, но будет поздно.

– Что, что происходит?

– Это запланированный элемент программы?

– Сей спортсмен будет представлять нашу страну на Играх? Не шутка ли?

– Не поздно ли позвать Ковина?

– Евгений! Евгений! – знакомый спокойный голос прорывается через тьму вопросов. – Евгений, ты меня слышишь?

Ответь!

Лёгкое прикосновение к вискам. Микрофон включен.

– Да, я здесь.

– Возьми гирию за «поводок» и аккуратно тяни к себе. Веди её как дитя. Аккуратно. Ещё сантиметр... Ещё... Молодец.

– Я... Мне не очень хорошо. Мы можем закончить на сегодня?

– Да, Женя, – тренер устало вздохнул.

Мирное укачивание колыбели невесомости. Пусть будет боль – зато он существует. Он – настоящий. И он победит себя.

Лебедь с гирей в лапках стоял перед ним.

– Вы уверены, что можете защищать честь нашей страны?

Гуа-га-га.

Станный смех. Ещё бы, он никогда не слышал смеха лебедей. Так не бывает.

– Горбуш-ш-ш-ш-шка. Горбуш-ш-ш-ш-шка! Гуа-га-га.

Лебедь грозно двинулся на Евгения. Спортсмен попытался отойти, но на ноге у него был чип. Он уже мигал оранжевым.

– Горбуш-ш-ш-ш-шка!

Клюв лебедея разинут. Щипок за колено. Полуоборот. Клюв прошёлся по его позвоночнику. Боль.

Боль! Евгений заорал и очнулся. Минутная заминка в попытке понять, кто он и что происходит.

– Ну что, батюшка, я же вас предупреждал! – доктор грустно поправил на нём одеяло.

– Поздно уже, – хрип. Постойте-ка. Это что, его голос?

– Вы кричали. Подняли на ноги всех больных. Они уж было поверили, что я вернулся к дедовским методам хирургии.

Евгений машинально следил за руками доктора, теперь поглаживающими электро-кошку для снятия стресса.

– Я буду выступать. Вы не подумайте. Я буду! Я смогу!
Доктор горестно вздохнул.

– Может, и будете. Я вылечил гипнозом Вашу поясницу и плечо. Но пластины позвоночника не в моей власти – нельзя загипнотизировать чужеродные элементы тела. Я вам дам успокоительные и обезболивающие...

– Вы... Как Вы посмели! Гипноз! Мне это не нужно! А обезболивающие? Это всё равно, что допинг!

– Это не допинг. Это – лекарства. У Вас расшатанная нервная система. И генеральное выступление перед журналистами отлично это доказало. Так что я не сержусь на ваши выкрики, – доктор откупоривал бутылку, из которой уже начинал сочиться приятный аромат.

– Но...

– Никаких «но». Я доктор. И прописываю вам полный покой. Кстати, без тренировок. Вы способны превосходно исполнять свою программу – тысячи занятий до этого дня вполне достаточно.

– Я не могу позволить своему телу расслабиться за день до соревнований!

– Придётся. Ещё один неудачный поворот, или как вы там это называете, и всё, конец заплаткам на позвоночнике. Конец вашей карьере. Да что там. Конец вам. Конец мне. Конец вашему тренеру. Все мы вместе полетим добывать гелий-три.

Евгений закусил губу. Уколы совести были не менее ща-

дядцами, чем физическая боль.

Доктор, следивший за беспокойным пациентом, решил пощадить его чувства:

– Завтра вы выйдете в невесомость. И всех победите. Я это знаю!

Словно эхо наивного ребёнка, вчера признавшегося в своей вере в Горбушкина.

– Я... выйду. Обязательно выйду...

– И сделаете всё возможное. А теперь – поспите. Вам нужен отдых.

Темнота. Слышалось мерное посапывание электро-кошки. Ароматный дым наполнил комнату. Евгений ощупал рукой свой позвоночник. Словно и нет никаких проблем – гладкая, ровная поверхность спины. Что ни говори – Михаил Сергеевич – доктор превосходный. И ему нельзя подвести его. Или подвести того ребёнка. Страну. И Аду. Хотя расстроится ли она?..

– Я была права! Это полный провал! Сегодня он в больнице, а завтра – уже выступление!

– Ада, у нас теперь нет выбора. Мы можем только осудить его.

– Это катастрофа!

– Слишком много восклицаний. Вы забываетесь, агент. Тем не менее, что сделано – то сделано. Быть может, он исправится. У него нет выбора. В конце концов, последнее вы-

ступление перед журналистами – единственный его провал.

Ярко освещённый шар. Тысячи зрителей с теле-площадок торжествующе наблюдают за покорением когда-то казавшейся непоколебимой стихии невесомости. Ещё миллионы с замиранием сердец следят в коммуникационных линзах за движениями спортсменов. Стольким же потребуется электро-кошка, чтобы успокоить бьющееся слишком быстро сердце. Несколько десятков зрителей вскоре окажутся под гипнозом для восстановления переломов после падений из-за увлекательности спортивного шоу. И лишь единицы стоически пожмут плечами, заметив, что только такого и можно было ожидать от гимнастики в невесомости.

Сегодня вершилась история.

Вот вереница выступающих спортсменов – над каждым висит голограммное табло с числом наград и побед в прошлом. Рост, предельная скорость полёта, скорость вращений, вес снаряда – информация, более интересная для букмекеров, но не для обывателей, быстро сменяется цветастой рекламой, призывающей воспользоваться новейшими ароматизаторами для питтаблеток – утомлённый жизнью и жарким огнём кролик (правда, почти никто из живущих выше Земли не знает, насколько этот запах соответствует истине).

Евгений ощущал себя этим самым кроликом, загнанным

в угол. Он очень устал. Тревожные клики друзей в линзах, въедливые вопросы журналистов, вызывающие боль пластины, едва скрываемая неуверенность тренера и страх за судьбу всех, кто с ним связан, – всё это сводило Горбушкина с ума. Полыхавшая в его сердце страсть к Аде, которую он и видел-то по-настоящему только один раз в жизни, пожирала остатки его душевного спокойствия. Наблюдает ли она сейчас за ним? Волнуется ли? И как насчёт кружечки чая?

Бред. При чём здесь чай? Евгений попытался сосредоточиться на своём снаряде. Это была его счастливая гиря, выкованная отцом в те давние времена, когда он только начал выступать. Многое с тех пор изменилось. Его отец погиб при взрыве инкубатора с настройками будущего ядерщика-химика при нормализации показателей температуры механизма (в те времена профессия техника экспериментальных инкубаторов была весьма опасной). Первый тренер канул в неизвестность при попытке выполнения гимнастических упражнений в открытом космосе. Череда следующих в жизни Евгения учителей сливалась в едином лице некоего неприступного, жадного зверя, которому всегда нужно всё больше и больше – высоты, винтов, наград, денег, власти; пугающегося при малейшем шорохе опасности и готового стремглав унести в иное будущее. И только верная гиря-талисман прошла с ним через все его взлёты и падения в прямом и переносном смысле, никогда не шадя его и не хваля, но всё же всегда вместе с ним.

– ... Евгений Горбушкин!

Спортсмен, услышав свою фамилию, всплыл в шаровую арену.

– Женя, не старайся на разогреве. Ты выложишься на выступлении. Только основные элементы. Вперёд!

Голос тренера неумолчно жужжал в наушниках, но Евгений его игнорировал. Вчерашний промах сильно напугал его. К тому же, доктор запретил ему с утра тренироваться. Сейчас – единственный шанс снова сделать кручение вокруг снаряда, уверить себя, что всё в порядке. Толчок от барьера. Несколько винтов. Гладкая поверхность зоны «стыковки» – обороты обратно. Завистливые взгляды соперников его группы, разминающихся на той же площадке. Замах – кручение вокруг гири. Один, два, три...

– Женя! Стой! Женя, что ты делаешь? Уходи! Уходи и ии...

Он не видел игрока, отталкивающегося от противоположного бортика. Тот всего лишь летел в шпагате, пусть и со спины Горбушкина. Позже камеры покажут, что игрок пролетел на расстоянии двух сантиметров от Евгения и никак не повлиял на кручение. Но Евгений сбился с ритма, и его гиря сменила запланированную траекторию.

Евгений пытался отвести от себя снаряд. По инерции гиря продолжала свой путь, кометой врезавшись в спину спортсмена.

– Евгений! Женя! Ты здесь? Женя, не отключайся!

Твою...

Пластина не выдержала. Позвоночник, крепкий и стройный, подаренный самой природой, сдался.

– Горбуш-ш-ш-ш-шка! Гуа-га-га!

Хищный лебедь усталился на него с элитной теле-площадки охранников спокойствия общества системы Земля-Луна, иначе говоря – ОСОби. Чего они выжидали? И зачем схватили Аду? Она простая журналистка и не имеет никакого отношения к его провалу. Нет! Тревожная мысль блеснула молнией в его мозгу: она не журналист. Вот почему лучше бы им больше не встречаться. Именно она за кружечкой чая, в комфортной ему обстановке, как агент произнесёт обвинительный приговор.

– Нет! – снова это резкое слово. Ничего не значащее.

Евгений попытался разогнуться для винта. Но пластина уже покинула своё уютное гнёздышко. Хруст. Крики зрителей и тренера: кажется, на его костюме проступила кровь. Это – основание для дисквалификации. Но судьи молчат. Значит, он может продолжать?

Горбушкин сжал гирию. Давай же, родненькая, помоги!

Вращение. Рука чувствует прохладу барьера. Но где зона «стыковки»? Теле-площадки крутятся вокруг него. Он вообще управляет своим полётом? Где все отметки на барьере? Возможно ли головокружение там, где всё итак крутится вокруг тебя?

– Женя, – ледяной тон тренера. Гробовая тишина в ответ.

– Женя. Ты закрываешь рукой обзор Президента. Ты понимаешь? Запретная зона.

Горбушкин резко оттолкнулся от барьера.

Всё кончено. Покой. Вот чего он хотел больше всего на свете.

Камера судьи подлетела к самому его лицу.

– Евгений Александрович Горбушкин. Вам нужна медицинская помощь? Вы готовы к исполнению программы?

– Я снимаюсь... с соревнований, – промолвили его губы. Язык еле слушался.

– Гимнаст Женя, – слёзы катятся по щекам ребёнка.

– Эх, батюшка, – доктор достал линзы из глаз. И с изумлением увидел бусинки слёз на крыльях бровей Анны.

– Я же говорила, – гневно прошипела сквозь сжатые зубы Ада.

– Отправляйте рапорт Президенту.

Спустя несколько недель Евгений, прижимая к себе гирию, смотрел в иллюминатор выдавшей много ракеты-тюрьмы. Пальцы нащупывали гравировку, когда-то высеченную отцом: «Удачи, сынок». Рядом доктор поглаживал электро-кошку, а отважная (или уволенная Пал Палычем) красавица, отправившаяся добровольно в ссылку за доктором, растерянно расчёсывала свои брови. Тренер летел в другой каюте, не пожелав делить остатки своей теперь никчемной жизни с неудачником, как он теперь называл Евгения. Все

они были осуждены как государственные изменники, из-за которых была проиграна спортивная война. Апелляции адвокатов к Суду системы Земля-Луна не помогли. Единое координационное Правительство редко вмешивалось в отношения между странами и их гражданами, тем более, когда это касалось патриотических процессов.

Электро-кошка открыла свои яркие жёлтые глаза, направив успокаивающий взгляд на Евгения. Этому электронному существу было невдомёк, куда иной раз приводят мечты.

– Горбушка! Выходи поиграть! Ты будешь арестантом, добывающим гелий!